

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов

На большой дороге (Сцены из народного быта)

«Я разов шесть в уголовной-то парился, да Бог миловал, один раз только в сильном подозрении оставили. А уж одна как приходилось: если бы попался, миногами бы накормили...»

Содержание

#1	0005
ЯВЛЕНИЕ I	0006
ЯВЛЕНИЕ II	0010
ЯВЛЕНИЕ III	0013
ЯВЛЕНИЕ IV	0026
ЯВЛЕНИЕ V	0032

Иван Федорович Горбунов

На большой дороге

*ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:
Потап, бедный крестьянин.*

Матрена, его сестра.

Степка, 7 лет, Серега, 6 лет, его дети.

Дементий, его сосед, 30 лет.

Рогонок, Клеймо беспаспортные личности, одетые в дубленые полушубки.

Вавиловна, прохожая старушка.

Действие происходит в деревне, на большой дороге.

Деревенская изба.

ЯВЛЕНИЕ I

Рогонок (*подпоясываясь*).
Справляйся скорей.

Клеймо.

Я сейчас, за мной дело не станет. Пущай лошадь-то пожует маленько, умаялась-чай. (*Смеется*).

Рогонок.

Да уж задали ей жару! Долго помнить будет.

Клеймо.

Чай уж теперича хватился.

Рогонок.

Как не хватиться: часа три мы гнали, да час, пожалуй, здесь сидим... Чай уж навылся досыта.

Клеймо.

Экой у нас народ глупой!

Рогонок.

Мы тоже летось в Питере у чухонца лошадь угнали; опосля я его увидал, недели через две: худой такой стал...

Клеймо.

Грустно, значит. *(Смеется)*.

Рогонок.

Всем бы хороша наша должность, кабы острога не было, а то попадешься – томят, томят...

Клеймо.

Я разов шесть в уголовной-то парился, да Бог миловал, один раз только в сильном подзрении оставили. А уж одна как приходилось: если бы попался, миногами бы накормили.

Рогонок.

На темную что ль кого взял?

Клеймо.

Нет, я рук не кровянил и бить чтобы очен-

но кого тоже не приходилось; раз только одного немца потрепал маленько. А это, братец, вот как было: ушел я тогда с этапу, на родину меня послали. Ну, как ушел, прямо сейчас в Питер... К Лаврюшке – в части! к Гуську – в остроге! Что делать? К Никонычу: нет, говорит, брат, ступай, я больше вашего брата не пущаю, потому, говорит, меня самого затаскали. Дня четыре я путался по Питеру-то, кое-чем да кое-чем пробавлялся. Только иду раз по Обуховскому, смотрю: часовня. Подошел, помолился, копеечку в кружку опустил, а сам замок пощупал. Думаю, постараться можно. Три ночи собирался, да все как-то опасился. На мое счастье дождик, и ночь такая темная – зги не видать. Известное дело, в такую пору не токма дворников – собаки на улице не найдешь. Пошел. До костей меня прохватило, покуда я дошел-то. Только что я перекрестился да лом за обруч-то запустил, как меня сзади дубиной раз!.. два!.. Караул!.. Стрела так не летит, как я бросился!.. И ничего, т. е. никакой боли не чувствую. Слышу: карета едет, я маленько остановился: только что она поравнялась со мной, я разбежался да на задке и по-

вис, да вплоть до Сенной и ехал.

Рогонок.

Чисто!

Клеймо.

Да такой штуки в другой раз, пожалуй, не сделаешь. Опосля самому смешно стало. Уж и досталось же мне! Ведь как пришлось-то! Кабы это на сухопарого человека, – до смерти бы на месте убил, и я-то две недели не разгибался! (*Надевает полушубок*).

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и МАТРЕНА.

Матрена.

В дорогу справляетесь?

Рогонок.

Да, тетушка, замешкались.

Матрена.

А вы откелева?

Рогонок.

По хозяйским делам...

Матрена.

Дальние?

Клеймо.

Нет, тутошние...

Матрена.

Погода завернула, неспособно вам ехать-то. Мятелица такая, что – и!..

Рогонок.

Доедем. Прощенья просим.

Матрена.

Дай Бог час, господа честные.

Клеймо.

Ужли, тетушка, мужиков-то у тебя нет, одна живешь?

Матрена.

Как, касатик, без мужиков – без мужиков нельзя. В город сам-то уехал, да вот что-то нет долго. *(Клеймо и Рогонок переглядываются).*

Рогонок *(тихо).*

Не здешняя ли лошадь-то?

Клеймо.

Прощай, тетушка.

Матрена.

Не посветить ли, голубчики?

Рогонок.

Нет, не требуется. (*Быстро уходят*).

ЯВЛЕНИЕ III

МАТРЕНА, потом **ДЕМЕНТИЙ**, **СТЕПКА** и **СЕРЕГА**.

Матрена.

Нет, должно, ноне не приедет, заночует. (*Зевает*). Эх, грехи, грехи! Куда скучно в экую погоду-то.

Дементий (*входя*).

Вот я тебе, тетушка Матрена, ребят привел.

(*Сергея при входе в избу, быстро бросается на печь*).

Матрена.

Ты бы ноги-то в сенцах околачивал. Ишь ты что снегу-то в избу наворотил. Некому тут за вами прибирать-то!

Дементий.

Мой что ли снег-то? На лопание я тебе его что ли принес... Ты погляди-ко, что на дворе-то: свету Божьего не видать. Потап Митрич

не бывал еще?

Матрена.

Нету-тка. Сказывал, около вечерен придет, а нет.

Дементий.

Не застрял бы в дороге-то. Ну, ребята, спать чтобы! А Серега-то где ж?

(Степка смеется).

Матрена.

На печи. На печь забился... Да не уйдешь, пес, не уйдешь!

Дементий.

Аль опять провинился?

Матрена.

У нас с ним одна вина-то – житья от его никому нет.

Степка.

Афроське давеча голову было проломил.

Дементий.

Что ж, за это выстегать надо. Как, Степа, полагаешь: за такие дела надо стегать, аль нет?

Степка.

Надо. *(Смеется)*.

Дементий.

А коли надо, так кончено! Справляйся, те-тушка Матрена. Сейчас мы его оттедова ста-щим, да своим судом... Я подержу, а ты опу-стишь сколько следоват. *(Сереге заревел во все горло)*. А! Не любишь!.. Баловать так твое дело, а как...

Сереге.

Я ее не трогал! Она меня сама все за виски дергала.

Матрена.

Что те режут что ли, окаянного, прости Господи! Что ты ревешь-то?

Дементий.

Полно, дурашка! С тобой шутки шутят, а ты думаешь взаправду. Ступай сюда, не тронем. *(Сергеа начинает хныкать)*. Утрись, да и слезай.

Сергеа.

Не слезу.

Дементий.

Говорят, не трону.

Степка.

Не тронет.

(Сергеа робко высовывает голову с печи и опять прячет).

Дементий.

Полно, ступай! Я сказку сказывать буду. *(Ложится на лавку; Степка садится у него в головы)*. Вот, братцы, в некотором царстве, не в нашем государстве, жил был царь. А у этого царя было три дочери: одна глухая, другая немая, третья безрукая. Только вот царь и

говорит своим дочерям: дочери мои милые, из разных земель короли ко мне понаезжают... *(Прислушивается)*. Что это, словно бы воет кто? Ужли ветер! Тетушка Матрена, труба-то у вас закрыта ли?

Матрена.

Как же, закрывала давеча. Энтот озорник-то не открыл ли?

Дементий.

Серег, ты трубу не открыл ли?

Серег.

Открыл.

Матрена.

Ах ты, пес экой! Вот баловень-то зародился. Закрой сейчас!

(Серег, молча, исполняет приказание).

Дементий.

Нечего ему делать-то, вон он и балуется. Степка, давай выкинем его в сугроб, пуцай

его волки растерзают на части. Что его, сорванца, жалеть-то!

Сергеа.

Выкинул один такой-то!

Дементий.

Что?! Ты у нас молчи лучше, нас ведь здесь двое. Ведь мы с им сладим, Степа?

Степка.

Сладим.

Дементий.

Значит, тебе, востроносому, супротив нас ничего не поделать. Ну вот, говорит, из разных земель короли понаезжают...

Степка.

А ты лучше про ведьму расскажи.

Дементий.

Про кеивскую? Изволь. *(Сергеа сползает с печи)*. Да ступай, миляга, слушай.

Сергеа.

Прибьешь?

Дементий.

Не трону.

Сергеа.

Побожись.

Дементий.

Сейчас умереть, не трону.

Сергеа.

Нет, ты скажи: провалиться мне на этом месте.

Дементий.

Провалиться мне на этом месте! (*Сергеа робко слезает с печи и подходит к Дементью*). Я вишь какой человек: сказал не трону, – и кончено! И никому, значит, не позволю тебя обижать. Садись на меня теперича хошь верхом, и то ничего. Ты ведь озорничать не будешь?

Сергеа.

Не буду.

Дементий.

Ну, значит, ты милой человек, а милых людей я очень люблю. И будем мы с тобой жить, пока Бог грехам нашим терпит. Садись на меня верхом. *(Сергеа робко садится, думая, не обманывает ли его Дементий)*. Хошь, я тебя теперича в Москву свезу, али в Питер, куда хошь – мне все равно. *(Качает Сергеу)*. Жизнь, тетушка Матрена, малолетним-то! Хошь бы денечек по ихнему-то пожил. Ничего это они не чувствуют, как должно... Вот хоть бы теперича Сергеа. Ну, что ты, пострел, понимать можешь? Что ты можешь чувствовать? Какая такая твоя должность?

Матрена.

Должность его известная: встал ни свет ни заря, не умывши, Богу не помолимши – шасть из избы, да и мается день-то деньской невесть где.

Степка.

Что ж ты про ведьму-то?

Дементий.

Не токма что я тебе про ведьму, а как я тебя за твою добродетель очень люблю, потому ты парнишко смирной, я тебе к Святой пару голубей достану.

Серегга.

И мне!

Дементий.

Тебе, брат, не за что. А может, мы тебя к Святой-то в солдаты отдадим. (*Серегга смотрит на него вопросительно*). Что глядишь-то? это верно! Свяжем, значит, свезем к становому: вот, скажем, ваше благородие, Серегга у нас очень балуется, прикажите ему лоб забрить. (*Степка смеется*). А Степке пару голубей предоставлю... Синиц с ним пойдем ловить. Синиц много в те поры поналетит.

Серегга (*сквозь слезы*).

А я баловать не буду.

Дементий.

Коли ежели не будешь, значит и мы с тобой будем компанию водить, а то в солдаты.

Матрена.

Ты сам, посмотрю я на тебя, ровно махонькой – городит невесть что.

Дементий.

Больно уж ребят-то тетушка Матрена, люблю, потому они очень смешные.

Степка.

А вон дьячковы дети летось воронье гнездо раззорили.

Дементий.

Потому, они кутейники. Нешто они могут понимать? А вы, ребята, гнезда не трогай. Грех великий, ежели кто гнездо раззорит. Коли найдешь гнездо с яичками – не тронь, пущай выводит. А кутейники эти, вестимо, голодные: они не токма яйца – они и голубей лопают.

Матрена.

Тьфу! как это им в душу-то лезет!

Дементий.

Жрать хочется!

Матрена.

Да ведь голуби-то непоказанное?

Дементий.

Мало ли что непоказанное! А вы, ребята, коли ежели мне приятели, – коли кто приметил гнездышко: сейчас покажи мне. (*Молчание*). А вот, братцы, Бог даст, полая вода придет, рыбу пойдем ловить. Как занятно!

Матрена.

Ну, этим рыбакам-то спать пора. Снуют, снуют день-то деньской, умаются.

Дементий.

Что ж скажи, ребята: за нами дело не станет, мы и спать можем. (*Встает и почесывается*). Погода, значит, самого-то задержала...

Оченно уж вьюга-то. Теперешнее дело, как раз с дороги собьешься. Беда, тетушка Матрена, об эту пору в дороге! Не приведи-то Господи! Стужа! Глазыньки тебе это все залепит, борода обмерзнет, злой сделаешься, животину бьешь, ровно бы она причинна! Все это, значит, Божья власть, а ты в ту-пору ничего этого чувствовать не можешь, потому сердце в тебе больно раскипится. *(Потягивается)*.

Матрена.

Хозяина-то дома нет, словно бы и страшно одной-то.

Дементий.

Точно что одной-то жутко.

Матрена.

Да мне ноне целый день что-то не по себе, ровно бы я что потеряла, аль так душенька ноет.

(С улицы в окно слышится стук).

Дементий.

Не сам ли?

Матрена.

Кому ж, oprичь его. (*Выходит из избы*).

Дементий (*к ребятам*).

А вы что ж не ложитесь? У меня спать чтобы, а то ведь я сердитый, наказывать стану.

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и ВАВИЛОВНА.

Вавиловна.

Пустите, православные, душу на покаяние.
(*Садится в изнеможении на лавку*).

Дементий.

Ишь ты, как тебя занесло-то! В самую мя-
тель-то ты, значит, и попала...

Вавиловна.

Ох, батюшки мои!..

Дементий.

Ты ноги не ознобила ли?

Вавиловна.

Моченьки моей нет!

Матрена.

Разденься, голубка. (*Помогает ей раздеть-*
ся). Ишь ты, на тебе одного снегу-то пудов
пять будет.

Вавиловна.

Не чаяла я уж живой-то быть; думала, по-
мру, в чистом поле, не замоливши грехов сво-
их.

Дементий.

Что хитрого помереть в экую стужу! В
экую стужу и мужику только в пору, а уж ва-
шей сестре где. Ты теперича на печь ступай.

Вавиловна.

Ноженьки-то в снегу-то вязнут, идти-то
неспособно, а тороплюсь поспеть засветло.

Дементий.

А ты далеча ли пробираешься-то?

Вавиловна.

В Москву, батюшка. Сыночек у меня в
Москве живет.

Дементий.

По какой части?

Вавиловна.

По пачпорту ходил, а теперича приписался.

Дементий.

А вы господские были?

Вавиловна.

Господские, батюшка, господские.

Дементий.

Чьих?

Вавиловна.

Семен Иваныча Батурина. (Продолжительное молчание).

Дементий.

От господ-то отошли теперича?

Вавиловна.

Слободные, батюшка.

Дементий.

Ведь тебе, баушка, чай все равно: ты ста-

рый человек. Ведь тебе годов, чай, много?

Вавиловна.

Много, батюшка.

Дементий.

Ты французское-то разорение помнишь ли?

Вавиловна.

Помню, голубчик, все помню. В те-поры, как ему придти-то, французу-то, на небе все столбы ходили. Небо это загорится, и пойдут столбы, и пойдут столбы. Думали тогда, к морю, ан ждем-пождем – он и пришел и двенадцать языков с собою привел.

Дементий.

Двенадцать языков – это ты верно. Видимо-невидимо, говорят, их привалило тогда. Дедушка нам сказывал.

Вавиловна.

В те-поры наш энерал кресты свои, медали все повесил, да ночью, с Васильем фалето-

ром на войну и уехал.

Матрена.

На стражение?

Вавиловна.

Да, матушка. Прощайте, говорит, православные, еду я проливать свою энеральскую кровь. И могилку батюшке велел себе выкопать у церкви. Да Бог его помиловал, голубчика, опять к нам приехал. Как это у французов землю эту ихнюю под нашего царя подвели, в нашу веру правую их всех перегнали – он и приехал, и помню это, немца с собой привез; барчат он тогда, сказывали, на разные языки обучал по-ихнему.

Дементий *(потягиваясь)*.

Ишь ты, старинные-то люди, тетушка Матрена, все знают! Ну, прощайте. Ты, бабушка, на печь бы шла. *(Хочет идти. С улицы слышится невнятный разговор; все прислушиваются)*. Что это, тетушка, словно как сам приехал. *(Молчание)*. Да, он и есть! Его речи-то. Что за причина! *(Разговор становится внят-*

нее). «Да тут, в Алешине,». «Да, как же ты прозевал?» «Надо бы бежать». «В экаю вьюгу много ли набежишь, зги Божьей не видать». (Все в недоумении; Дементий смотрит на Матрону вопросительно). Отпирай, ступай! (Матрона бежит и возвращается с Потапом).

ЯВЛЕНИЕ V

ТЕ же и ПОТАП, окоченевший от холода.

Матрена.

Чтой-то, батюшка!

Потап.

Божеское попущение!

Дементий.

Что ты, Потап Митрич?

Потап.

Ограбили!

Дементий.

Как ограбили!

Потап.

Лошадь угнали!!

Дементий.

Что ты!!

Матрена (воет).

Ай, батюшки! Чем мы Бога прогневали? За что на нас экое наказание!..

Потап.

Раззорили меня, с малыми детьми раззорили! Взяться теперь нечем. Словно и свет Божий мне все одно, хошь руки на себя накладай. (Обратившись к образу). Батюшка, Царь милостивый! Твоя воля, Твой предел, Отец наш небесный! (Плачет). Легче бы хворость какую лютую выхворал, ничем это дело. Ах ты, Господи!

Матрена.

Чуяла моя душенька, что быть нехорошему. Целый-то денечек ноне не спалось мне, не елось...

Дементий.

Да как же, братец, кое место угнали-то? Может, еще мы на след попадем...

Потап.

Где попасть, где попасть! Не на то воруют

лихие люди...

Вавиловна.

Кабы маленько я не поспела, и меня бы ограбили.

Дементий.

Постой, баушка, что с тебя взять! Что ж делать, Потап Митрич?

Потап.

Что делать!.. Ложись да умирай!

Дементий.

Зачем умирать, умирать не след. – Да как дело-то было?

Потап.

Прозяб я очень, погода-то больно завернула, да в Алешине в кабак и заворотил; от кабака-то и угнали. Целовальник сказывал, что двое каких-то сидело. Один говорит, кривой, а другой рыжий такой. Опричь их, говорить, некому.

Матрена.

Батюшки!.. Касатики!.. Выньте из меня мою душеньку!.. Они здесь были... *(Ребятишки просыпаются и смотрят в недоумении).*

Дементий.

Кто?

Матрена.

Воры-то, воры-то и лошадь-то наша у нас на дворе была!.. Давя, как тебе с ребятами-то придти, я их только что спустила. Ой, смертушка моя!

Дементий.

Это двое-то выехали?

Матрена.

Они, они самые. Кривой один.

Дементий.

Ну так, Потап Митрич, не сумлевайся. Они ночью по экой погоде далеча не уедут. Вот погода перестанет, мы их нагоним.

Потап.

Как же тебе не в догад? Ужли ты нашей лошади не знаешь?

Матрена.

Не в догад, батюшка, не в догад! Все глазыньки залепило... *(Воем)*.

Потап *(к детям)*.

Вот, ребятушки, лошадь нашу угнали. Пропаций я теперича с вами человек! *(Плачет и опускает голову на стол)*.